

Прощай, XX век!

Елена Медведева

Алексей Богатырёв

Елена Урсус Медведева

Прощай, XX век!

«Автор»

2026

Медведева Е.

Прощай, XX век! / Е. Медведева — «Автор», 2026

1991 год. Во время августовского путча студентка Женя и курсант Максим на мгновение встречаются на Калининском проспекте Москвы, чтобы разойтись на долгие семь лет. В эти годы они будут не раз оказываться в одних и тех же местах любимого города, но, волею providения, разминутся. У каждого из них — яркая, полная событиями, жизнь. Женя полюбит талантливого хореографа Артура, но жизненные обстоятельства и дефолт 1998 года не позволят им быть вместе. Максим пройдет через творческие, профессиональные взлеты и падения, круто изменившие его судьбу. Он неожиданно для себя станет частью московской богемы и встретит большую любовь, потеря которой чуть не разрушит его мир. Оба переживут утраты, разочарования, но продолжат искать своё счастье. Это роман о любви, которая проходит сквозь годы и испытания, о поколении, чья молодость пришлась на эпоху перемен конца XX века. Смогут ли они быть вместе? Ответ — в этой пронзительной истории, где прошлое и будущее переплетаются в одну жизнь.

© Медведева Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Роман в конце тысячелетия	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Елена Урсус Медведева

Прощай, XX век!

Роман в конце тысячелетия

Нашему поколению, на долю которого выпали две эпохи перемен, посвящается.

Мы спешили, улетали в неустроенные дали
и бесстрашно проникали и в пространства, и в века,
всё что можно изучили, что нельзя - предугадали,
только сердце, наше сердце не постигли мы пока.

Век двадцатый нам зачтётся, третья тысяча начнется,
и в любви, и в огорченьях потекут опять года...
Книга старая прочтётся, с веком век пересечётся.
Наша юность в нашем веке остается навсегда...

Александр Дольский

Мы не можем так проститься с ним. Не только потому, что мы родились в этом веке, жили в нём, и путь каждого из нас, вся наша жизнь прошли через этот век. Многие из близких нам людей уже ушли. Скоро уйдём и мы. Но это не значит, что двадцатый век исчезнет не только из истории, но и из памяти тех, кто останется жить.

Игорь Золотусский

Август 1991

Утро началось с невообразимого. Женя, как всегда, немного проспала: выключив будильник хотела ещё пять минут понежиться в кровати, сладко потянувшись, закрыла глаза и... уснула. Проснувшись она через двадцать минут, с ужасом посмотрела на безмятежно тикающие часы и, легко вскочив с постели, метнулась к окну – нужно было разобраться с погодой, одеться и бежать на работу. Проходная закрытого НИИ, в просторечии именуемого «ящиком», намертво закрывалась через 10 минут после начала рабочего дня. А дальше – прогул со всеми вытекающими. Допустить вытекающие она не могла. Надо было быстро собираться и нестись сломя голову.

Женя отдернула штору и оцепенела. Под хмурым московским небом, там, где набережная Москвы-реки соединялась с Подгорской набережной Яузы, стоял большущий танк. Башня была развернута в сторону дома, а ствол пушки направлен в Женино окно. Она заворуженно смотрела в это бесстрастное жерло, хладнокровно целившееся прямо в неё, такую прекрасную, такую юную... Что это?!!

Как только способность двигаться вернулась к ней, Женя натянула на себя платье и как была, в тапочках, выбежала из дома.

Боевая машина возвышалась громадной скалой. На вершине скалы сидел танкист: сосредоточенный парень в чёрном комбинезоне и шлемофоне. Женя попыталась справиться со сбившимся от беготни дыханием, но голос, всё равно, предательски сорвался.

– Эй, на танке!

Парень повернул голову и смотрел на неё, немного прищурившись.

– Вы почему целитесь в моё окно?!

Танкист молчал.

– Я спрашиваю, почему вы целитесь в моё окно? Что происходит?

– У нас приказ, – последовал равнодушный ответ.

– Какой приказ? Целиться в моё окно?! Не может быть такого приказа!!! – накатила жаркая волна гнева и Женя, сжав кулаки, ринулась в бой.

– Ты чего? – танкист испуганно поджал ноги. – Я говорю: у нас приказ!

– А я говорю, не может быть такого приказа! Разворачивай башню!

Парень еще некоторое время смотрел на пылающую гневом девушку, потом неохотно полез внутрь. Неожиданно легко огромная махина башни развернулась, а над люком появилась смеющаяся физиономия другого танкиста.

– Ну, что, красавица, довольна? – весело подмигнул он.

Но Женя уже бежала к дому.

На работу она безбожно опоздала. Однако проходная не была закрыта. Ко входу торопились хмурые сотрудники, так же, как и она, не успевшие вовремя – общественный транспорт, и так не отличавшийся точностью, в этот день работал с большими перебоями.

В лаборатории стояла зловещая тишина, коллеги сидели за столами и что-то старательно писали.

– Добрый день! – она вежливо поздоровалась, но ответа не последовало.

Женя прошла в закуток, где находились стол и иммерсионная ванна, в которой она снимала амплитудно-частотные характеристики испытываемых преобразователей. В лаборатории ультразвукового неразрушающего контроля она работала с января; впереди был финальный год учёбы, диплом, и писать его надо было на основе реальных потребностей отрасли. Авиация – это очень серьёзно. Поэтому она и устроилась в этот НИИ работать по специальности.

Через пару часов монотонных действий и снятия показаний, Женя услышала оживленный шум за перегородкой. Выглянув в зал, она увидела начальника сектора Сергея Петровича Заставу, который, энергично жестикулируя, что-то рассказывал сотрудникам лаборатории. Женя поспешила присоединиться к собравшимся.

– Я так никуда и не попал, – Сергей Петрович, напоминавший взъерошенного аиста, был сильно взволнован. – Да, пришлось моим «жигулям» встраиваться в колонну. Так с танками и проехал пол-Садового. Да только свернуть к министерству не смог, всё перекрыто. Гаишники прогнали.

Из кабинета вышел начальник лаборатории – Вадим Васильевич Сильванский.

– Что, Сергей Петрович, не удалось отчёт в министерство передать?

– Не удалось, Вадим Васильевич, – Застава нервно запустил руку в копну и без того всклокоченный волос. – Там всё перекрыто, ни подъехать, ни припарковаться.

– Сергей Петрович, отчёт об испытаниях должен сегодня быть на столе замминистра. Вы же знаете, как это важно! Что делать будем?

Начсектора снова озадаченно почесал затылок. Тут он увидел Женю.

– Во! Женечка, ну-ка иди сюда! У тебя сегодня местная командировка, – он взял увесистую папку со стола и бережно держал её в руках. – Допуск секретности у тебя подписан, отвечаешь за это головой! Отнесёшь в министерство. На проходной позвонишь по номеру, Вадим Васильевич сейчас напишет контактное лицо. Отдашь лично в руки, после того, как увидишь его пропуск и убедишься, что это – действительно, он. Всё поняла?

И лишь после того, как Женя кивнула, отдал папку.

– Положи в два пакета и держи крепко, – напутствовал Вадим Васильевич слегка растерявшуюся Женю.

На улицах было непривычно пусто. Довольно быстро она дошла до входа в длинный подземный туннель перехода под железнодорожными путями Курского направления. Несмотря на то, что рядом располагался Институт землеустройства и корпус студенческого общежития, в районе которых всегда наблюдалось броуновское движение молодежи, по дороге Женя никого не встретила. Гулкий абсолютно пустой подземный переход привел её на станцию метро Курская. Дальше нужно было добраться до Калининского проспекта, адрес она знала, и передать папку лично в руки некоему Михаилу Степановичу.

«Прям, как в фильме «Мёртвый сезон», – легкомысленно подумала Женька и поёжилась от непривычного гнетущего ощущения. Столица была на себя непохожа.

На Смоленке было многолюдно, но это было совсем не то многолюдье, к которому привыкли москвичи. Вздурораженные люди, преимущественно мужчины, сбивались в небольшие группы, о чем-то громко переговаривались, оживленно жестикулируя. Было тревожно и она неосознанно ускорила шаг. Через несколько минут Женя оказалась на широком тротуаре Калининского проспекта в толпе возбуждённых людей.

В клубах сизого дыма по проспекту шла колонна танков. Но двигалась она как-то странно: часть устрашающего вида машин стояла на месте, некоторые совершали какие-то странные манёвры. По обе стороны проезжей части стояли люди и наблюдали эту немыслимую для Москвы картину.

На другой стороне Калининского прямо напротив неё следил за движением танков молодой то ли офицер, то ли курсант. Ладная новая форма очень шла ему и Женя, на минуту забыв о происходящем, залюбовалась стройной фигурой и выправкой высокого блондина, но тут с ревом развернувшийся на месте танк, выпустив облако едкого дыма, вернул её к реальности. И, словно по команде, следовавшая за ним гусеничная махина с ещё большим грохотом и скрежетом развернулась, разворотив часть бордюра. Закашлявшись от непереносимого выхлопного смрада, Женя прикрыла лицо полой плаща и стала пробираться через толпу в сторону центра. Надо было спешить: пакет оттягивала секретная папка.

В тот же день

Он шёл к Калининскому проспекту со стороны Садового кольца. Под шевроном новенькой курсантской формы красовались заветные четыре полосы, символизирующие переход на последний, выпускной курс Львовского высшего военно-политического ордена Красной Звезды училища. До конца отпуска и возвращения в родные стены альма-матер оставалось меньше недели.

Тревожное состояние души не давало покоя. Минувшей ночью произошли трагические события. В родной Москве он с недоумением наблюдал баррикады из общественного транспорта, перекрывающие движение центральных улиц в районе Белого дома.

Впереди маячил борт танка Т-72 с гвардейской символикой. Развернувшись на месте, он обдал собравшихся зевак сизым облаком саляры, и медленно направился в сторону Садового кольца.

Повернув голову, и оглядев пёструю разноликую толпу, он вдруг задержался взглядом на паре выразительных карих глаз, которые с тревогой и интересом наблюдали за происходящим.

Вторая семьдесят двойка повторила манёвр командирского танка, и с рёвом и лязгом гусениц повредила часть бордюра и верхний слой асфальта при развороте. Народ от неожиданности шархнулся в сторону. Мехвод с раскосыми монголоидными глазами широко улыбался через открытый люк, довольный произведённым эффектом. Обдав напоследок возбуждённую группу зевак облаком выхлопных газов танк медленно и лениво уползал, оставляя белые следы гусениц на влажном искорёженном московском асфальте. Все на долю секунды впали в оцепенение.

У Максима от увиденного внезапно засосало под ложечкой. Боевые машины он встречал не впервые, приходилось ими управлять на Яворовском полигоне в окрестностях Львова, но в центре Москвы это выглядело дико. Придя в себя, он начал всматриваться в оживлённо галдящую группу горожан, но выразительные миндалины карих глаз он больше не находил...

Непонятно, что больше его расстроило. Размышляя об увиденном, ему очень хотелось, чтобы та незнакомка, которая была так хороша собой взяла бы его за руку, и заглянув в глаза попросила проводить до дома, или любого безопасного места. На улицах и впрямь было непривычно беспокойно, поэтому это выглядело бы вполне естественно. Но беда в том, что она даже не взглянула в его сторону, и уж точно вряд ли стала бы о чем-то просить незнакомца в военной форме.

Однажды во Львове две польки у Краковского вещевого рынка в буквальном смысле взяли его под руки с обеих сторон, и настойчиво просили проводить до гостиницы в центре города. Лукаво заглядывая в глаза и смешно коверкая русскую речь, они просили «пана офицера» быть их спутником. Вероятно, они надеялись, что в компании человека в форме им не будет грозить опасность и ограбление лихих людей.

Тем временем последние деньки короткого, но долгожданного курсантского отпуска подходили к концу. События, произошедшие в стране, заставляли задуматься о неизбежности перемен и смене эпох. Арест членов ГКЧП заложил фундамент новых надежд и демократических преобразований. Стали теплеть международные отношения, и мир вокруг начал потихоньку меняться.

Впереди был год учёбы и заветные лейтенантские погоны. На Киевском вокзале Максима традиционно провожала вся семья. Фирменный поезд «Верховина», сообщением Москва-Львов, подали ко второму пути. Вспомнилось, как три года назад, на этом же месте в день восемнадцатилетия его поздравляли с днём рождения и поступлением в училище мама с отцом. Они приехали за 15 минут до отправления поезда, отпросившись с работы. Эти минуты были самыми трогательными, щемящими душу радостью поступления и грустью предстоящей разлуки с самыми близкими людьми.

Десять счастливчиков из Московского округа поступили в ЛВВПУ сдав вступительные экзамены, и пройдя профотбор в городе Калинин на базе кадрированного полка Таманской дивизии, где были устроены сборы абитуриентов для всех военных училищ Советского Союза. Всего соискателей на Факультет культурно-просветительской работы и военной журналистики было около двухсот, но поступили только двенадцать. По разным причинам остальные были отсеяны и отправились продолжать службу в своих частях, или были приняты в другие военные ВУЗы, где был недобор.

Радости не было предела. Родителей переполняла гордость за сына. При поступлении особенностью профотбора являлись обязательные творческие навыки соискателя. Приветствовались музыкальные и хореографические школы, театральные студии и т.д. У Макса за плечами была «музыкалка» по классу ударных плюс три года службы в оркестре войсковой части 12672. С благодарностью вспоминалась Люберецкая музыкальная школа, которую заканчивал сам Александр Барыкин, солист популярной в те годы группы «Карнавал». Педагог Ирина Анатольевна, заставила полюбить ксилофон и основы сольфеджио, а также заложила неоценимые навыки техники игры на барабанах (при помощи кисти, не задействуя предплечья, для увеличения скорости тремоло). Будучи студенткой консерватории, она была единственной девушкой на курсе ударных, что, само по себе, было большой редкостью.

В 15 лет Максим окончил восьмилетку, и добровольно поступил на службу воспитанником в военный оркестр в подмосковной Загорянке. Поначалу его брать не хотели. Строгий дирижёр – майор Светличный смерил худосочного мальчишку беглым взглядом и досадливо буркнул: «Сбежит!» Однако ему понравилось, что паренёк только что закончил музыкальную школу по ударным, и решил устроить ему маленький экзамен. Оценив неплохую технику рит-

мического рисунка и прикинув, что вскоре ведущий барабанщик из срочников уйдёт на дембель, он снисходительно сообщил матери Макса: «Пусть попробует».

Оказавшись столь рано в воинском коллективе и надев солдатскую форму с петлицами арфы пришлось быстро повзрослеть и соприкоснуться с армейским бытом. Три раза в неделю было обязательным посещение вечерней школы.

Особенно запомнились уроки английского по средам, которые проходили в Ленинской комнате женского общежития одного из швейных комбинатов города Щёлково. В народе эту общагу звали – «Франция» из-за достаточно вольного поведения девушек-ткачих. Понятно, что местные обитательницы шутили, и частенько провоцировали молоденького солдатака слегка покраснеть, проходя мимо огромной кухни, где на верёвках сушились атрибуты интимного женского гардероба. Ни с чем не сравнимый запах жареной картошки дразнил ноздри, а глаз радовал непривычный интерьер, который ярко контрастировал с бытом казармы.

Максиму нравилась его внезапно повзрослевшая жизнь и военная форма, которая была ему очень к лицу. Иногда он ловил на себе заинтересованные взгляды девушек, которым было невдомёк, что голубоглазый паренёк в отутюженной «парадке» – всего лишь пятнадцатилетний подросток. Однажды зимой в увольнении, уплетая эскимо, ехал в тамбуре электрички. К нему подошёл покачивающийся работяга и похлопав по плечу, с весёлой пьяненькой улыбкой изрёк: ешь, ешь, наедай шею... Справедливости ради, действительно, тонкая подростковая шея, торчащая из-под ворота шинели, казалась несуразно жалкой и детской.

В армейском коллективе его старались опекать, как самого молодого, но и воспитывать в «лучших традициях» Советской армии. Прибывшие на службу с тяжёлым похмельем сверхсрочники посылали его по несколько раз в день «за чайником». Это была негласная традиция. Самый молодой должен шустрить. Нужно было бежать несколько лестничных пролётов до умывальника и со скоростью света возвращаться в расположение. Пузатый старшина по кличке «Чира» в позе горниста выпивал трёхлитровый чайник из носика в несколько присестов и, довольно крикая, вытирал намокшие усы и вспотевшую лысину. Выдававшийся зимой спирт для залива в духовые инструменты частенько использовался «сверчками» не по назначению.

Неплохую практику игры на ударной установке юный «воспитон» приобрёл, играя в ВИА «Магистраль». Репертуар складывался из популярных песен семидесятых-восьмидесятых. С песней «Обручальное кольцо» было отыграно много свадеб молодых офицеров и прапорщиков. Коллектив часто приглашали на всевозможные конкурсы и выступления в соседние части, а также в Звёздный городок, где готовили космонавтов. Некоторые ребята из срочников в ансамбле призывались на полтора года в армию с «верхним» образованием. Успевшие закончить Консерваторию или музыкальное училище, они мастерски владели несколькими инструментами и были прекрасными наставниками не только в музыке, но и в жизни. Так командир отделения воспитанников Сергей Прохорчук был призван в армию в 26 лет. Ему очень импонировал искренний, добродушный Максим, над которым он взял личное шефство и не давал никому в обиду.

Войска, в которых начиналась служба, были железнодорожные. Сержантская учебка готовила путейцев и мостовиков для строительства БАМа и других военных объектов.

Оркестр базировался в солдатском клубе, которым командовал капитан Семаш. Весьма интересная фигура, на которую Макс очень хотелось быть похожим. Однажды, набравшись храбрости, воспитанник обратился к нему по всем правилам Устава, и попросил рассказать о военном училище, которое готовит специалистов по культурно-просветительной работе в войсках, а именно начальников Солдатских клубов и Домов офицеров. Так родилась новая мечта о единственном на всю страну военном ВУЗе – ЛВВПУ.

Август 1991

Под убаюкивающий стук колёс и мелькание фонарей, Максим приподнялся на полке и открыл занавеску купе.

«Станция Конотоп», – прозвучало в громкоговорителе.

Вездесущие бабушки предлагали на остановке пирожки и прочую снедь. Приятный мелодичный украинский говор наперебой предлагал взять в дорогу еду и горилку.

В соседнем купе ехал земляк и сокурсник Тимоха. Услышав про горилку, он, не удосужившись даже обуться, рванул в одних носках по коридору к заветной цели, ведь стоянка была ровно 2 минуты. Возбужденный и радостный он вломился в купе с бутылкой самогона и бумажным кулком варёной картошки с укропом. Сосед с верхней полки, хмурый чернявый дядька, вдруг мигом подобрел и свесив со второй полки босые ноги, блаженно поглаживал щетинистый «гуляющий» кадык.

В стаканах забулькала драгоценная влага и завязался неспешный дорожный разговор. Максим, слегка охмелев, подбоченясь слушал неумолкающего Тимоху и ему вдруг опять вспомнились прекрасные карие выразительные глаза и чуть вздёрнутый носик незнакомки с Калининского проспекта. В животе вспорхнули бабочки, зарумянились щёки и порыв непонятно откуда взявшегося тепла и нежности к таинственной прелестнице заставили вновь погрузиться в негу воспоминаний.

В его жизни конечно же уже случались душещипательные лав сториз. На втором курсе училища в нечастые увольнительные он сдуру карабкался в тесной шинели по водосточной трубе общаги Львовского Политеха. Вредный дядька вахтёр грозился вызвать милицию или патруль из комендатуры. Но «подвиг» не остался без награды. Огромные зелёные глаза Леси утопили его в нежности и благодарности... Как-то она рассказала о журнале «Огонёк», где в номере за 1986 год красовался её портрет. Юная девушка в белой блузке была ослепительно хороша. Её пышная русая коса, струящаяся по плечу, пухлые губы и прекрасные лучистые, чуть насмешливые, глаза, сводили с ума и дурманили голову. Московские корреспонденты, снимавшие репортаж в её родном городе Херсоне, были сражены наповал, а редакторы настаивали, чтобы снимок непременно украсил обложку. Когда она приходила на короткие свидания к Максиму на КПП училища, следовавшие мимо офицеры и курсанты сворачивали шеи и украдкой «семафорили респект».

Ему стоило неимоверных усилий заполучить этот заветный выпуск «Огонька». Строгая дама в роговых очках, раздражённо листавшая старые сшитые пачки в архиве, наткнувшись на обложку с портретом, благосклонно отвернулась, а потом «отлучилась на минуточку». В благодарность за это сокровище Макс, рискуя навлечь на себя гнев начальства, тайком нарвал ромашек на клумбе около штаба и преподнёс этот букет совершенно обалдевшей библиотекарьше.

Но, увы! Счастье было недолгим. Однажды осенним дождливым днём, топчась у проходной общежития Политеха, он несколько минут безнадежно бросал мелкие камушки в заветное окно на втором этаже. Через полчаса, когда шинель уже начала промокать, а по козырьку фуражки били мелкие капли, в окне вдруг мелькнул до боли знакомый силуэт. Макс обрадованно замахал рукой, но ответа не последовало. Через пять минут, зябко кутаясь в плащ и отводя глаза в сторону, появилась подруга Леси. Стараясь не смотреть в глаза, она протянула ему сложенный вчетверо тетрадный листок. На бумаге ровным убористым почерком были написаны стихи:

Эта женищина умна

И лукава, как гадалка.

Ей чуждой любви не жалко,

И в своей она вольна...

У Максима строчки поплыли перед глазами. Львовский осенний дождь промочил листок и буквы заплясали и запрыгали. Собравшись с духом, он продолжил читать, теребя руками непослушную бумагу.

*Пауки ей платье ткнут,
Но, увя, увяли розы
И почти живые слёзы
По щекам её текут...*

Как он добрался до училища, прошагав полгорода пешком по дождю, Максим не помнил. Горло сдавливал колючий комок. Сердце готово было вырваться из груди, а ноги становились ватными. На проходе через КПП его встретил дежуривший там Тимоха, но взглянув на товарища, не решился задавать вопросы.

Поезд остановился на безымянном полустанке. Сосед сверху декламировал богатырский храп. В окне ярко светила огромная и, как показалось Максиму, злоедающая луна. Со свистом промчался встречный поезд, слегка качнув дремавший вагон. Сон куда-то улетучился и вновь нахлынули яркие задушевные воспоминания.

Самым важным событием в училище, конечно же, является лейтенантский выпуск. Этот долгожданный день каждый задолго прокручивает в своей голове. И с трепетом ждёт заветного события. Макс старательно затирал лезвием в календарике текущую дату и смотрел, сколько месяцев, недель и дней до обведенной красным фломастером цифры ещё оставалось.

Неизгладимое впечатление на него произвёл первый выпуск молодых офицеров, который он видел ещё первокурсником, только что приехавшим в родную альма-матер. На плацу был построен весь личный состав курсантов, преподавателей, батальон обеспечения и, конечно же, строй новоиспеченных молодых лейтенантов в форме абсолютно всех родов войск. Новые кадры для ВВС, Сухопутных войск, ВМФ, Морской пехоты, Ракетчиков и других уважаемых частей склонили колено для прощания со знаменем училища. Особо эффектно, конечно, смотрелись моряки в белоснежных кителях. Помимо погон и диплома, к великой зависти всех остальных, им вручались личные кортики.

На Максима увиденное произвело неизгладимое впечатление. Он даже отказывался верить, что и сам когда-то будет стоять так же среди своих товарищей. Раздалась команда и внезапно посыпался звенящий дождь. Оказалось, что есть негласная традиция класть железный рубль под колено каждого лейтенанта. Когда все триста выпускников одновременно встают, плац переливается перезвоном этих монет. Командиры строгого настроя запрещали это делать, но традиция ни разу не прерывалась, несмотря на угрозы отправить незадачливого летёху в Забайкалье – край чудес, где один песок, да хвойный лес.

Прозвучала команда в походную колонну и лейтенанты, проходя мимо трибуны с руководством училища и гостями, кричали хором: «Вот и всё!», бросая всеером над головой железные рубли с изображением Ильича. Следом шёл батальон третьекурсников, они кричали: «А нам ещё!»! Начальство хмурилось, но никого не наказывали, прекрасно помня, что они поступали так же в своё время. Традиции – вещь такая... Уже после мероприятия Макс с удивлением наблюдал, как дюжина выпускников яростно натирают щётками для обуви сапоги памятнику солдата Красной Армии, а летёхи из морской роты напяливают тельняшку на бюст Ленина.

Но самое забавное ждало его впереди. Привыкший к дисциплине Максим, увидев проходящего мимо офицера, приложил ладонь к козырьку фуражки. Тот остановил его и... вручил рубль. Это было железным правилом для каждого лейтенанта, которого впервые поприветствовал младший по званию. При попытке ещё раз повстречать на пути щедрого офицера, ему отвесили «сливу» и сказали: «Ты у меня не первый». Смекалистые парни уже окучивали свежеиспечённых летёх у казармы выпускников.

Старшина роты выловил Максима в расположении и направил на усиление наряда по КПП, поскольку на территории училища много приехавших на выпуск родственников и необходимо усилить контроль за пропускной системой. На центральной проходной было не так уж плохо. Там, кстати, повстречалось несколько лейтенантов, которых, о чудо, «поприветствовали» впервые.

Через какое-то время его внимание привлекла миловидная особа, которая, вытягивая шею, внимательно всматривалась в толпу выходящих за ворота училища выпускников. Рядом с ней была женщина средних лет, видимо мать, судя по диалогу между ними. Вдруг девушка оживилась, заулыбалась и бросилась навстречу к белокурому высокому лётчику-красавцу. Тот замедлил шаг и виноватым голосом попросил, чтобы они его ещё немного подождали, а он мигом в строевую часть за предписанием и обратно. Оставил им посторожить потёртый чемодан и быстро ретировался. Прошло минут сорок, девушка вновь с беспокойством стала высматривать своего летуна. Через полтора часа она уже начала нервничать и переругиваться с матерью. Максу стало её по-человечески жаль, и он спросил, из какой роты жених. В пятую позвони, ели сдерживая гнев, проговорила она.

Дневальный из пятой роты сообщил, что такого уже два часа, как проводили и в расположении больше никого нет. Как потом оказалось, летун махнул через забор на спортгородке и скрылся в Стрыйском парке через дорогу от училища. Открыв чемодан, который сторожили дамы, они извлекли две гантели, кучу старых конспектов по Марксизму-Ленинизму и несколько объёмных трудов Владимира Ильича в твердом чёрном переплёте. Мамаша стала причитать и обвинять дочь, в том, что не надо было привечать этого поганца. Что она ей тысячу раз говорила: сначала ЗАГС, а потом всё остальное! Короче, вынесла сор из избы при всём честном народе. Как позже выяснилось, парень распределился в ГСВГ в окружной Дом офицеров и, наверное, надеялся ближе познакомиться с девушками из братской ГДР. Поступок, конечно же, так себе, но вольному – воля...

Поезд постепенно сбавлял ход и вскоре стали различимы пригороды Львова. Его архитектура и непривычный европейский уклад, не встречавшийся ранее, очень нравились Максиму. Было в этих мощёных улочках много загадочного и романтического, сурового и величественного, а Оперный театр на знаменитой «стометровке» поражал внешним и внутренним великолепием. На площади Рынок снимали знаменитых мушкетёров с Боярским. В Армянском дворике была сцена первой дуэли Д'Артаньяна.

Множество старинных костёлов, кофеен с ароматом душистого напитка, каштаны и невероятное количество красивых девушек. Но, к сожалению, в городе всё же чувствовался досадный изъян. В последнее время всё больше стали проявляться националистические настроения среди горожан. Стало рискованно в одиночку ходить по улицам в форме, а «мова» стала звучать гораздо чаще, чем прежде. В увольнения командование разрешало ходить в гражданской одежде, а ведь ещё год назад об этом даже думать было нельзя.

Макс, проехав на трамвае несколько остановок от вокзала до училища, неожиданно понял, как же он соскучился по своим однокашникам. Курсантский коллектив за три года стал его настоящей семьёй. Через 11 месяцев предстоит отправиться в разные гарнизоны страны и того времени, когда все смогут встретиться вновь, может уже и не быть.

В казарме звенел возбуждённый галдёж. Ребята, и правда, истосковались за месяц отпуска по привычному общению, и наперебой обсуждали произошедшие августовские события. Как-то невзначай Макс отметил, что постепенно началось кучкование по группам среди парней родом с Украины. На их форме появились непредусмотренные Уставом желто-голубые значки в виде флага. Никто особо этому не придавал значения, ведь отношения среди товарищей не изменились. Единственное, что удивляло, командиры не препятствовали этой «вольнице» и вообще стали вести себя как-то отстранённо. На них тоже повлияли произошедшие

события и арест министра обороны Язова. В Москве над Кремлём вскоре был поднят триколор, а во Львове быстро сменили советские флаги над административными зданиями на «жовто-блакитные».

В кадровом составе вскоре также произошли перемены. Командира роты, майора Давыдова, сменил капитан Клещенко, а начальника училища срочно отозвали в Главпур, и неожиданно на его должности оказался полковник, который часто посещал местные собрания Народного Руха.

К весне вообще произошли невиданные события. Батальон выпускного курса был в буквальном смысле поделён на украинцев и «всех остальных». На плацу всё ещё стоял монумент Ленина, но прибывший на новую Присягу замминистра обороны Вооружённых сил Украины генерал Мороз, подойдя после мероприятия к строю тех, кто не присягнул на верность «Незалежной», посоветовал написать рапорта и отправляться в распоряжение генерала Грачева, если вообще хотят увидеть лейтенантские звёзды. Но всё это произойдёт в недалёком будущем, а пока предстоял семестр до стажировки в войсках, сессия, госэкзамены и выпускной.

Декабрь 1995

– Жень, ну ты чё? Совсем от коллектива отбилась? – Светка вроде бы шутила, но в голосе слышалась обида.

– Свет, работы – завались, – серьёзно ответила Жень. – Ты ж знаешь, сейчас самый сезон. Рекламодатель косяком идёт.

– Ну, друзей забывать – тоже не дело. Ты как в журналистику подалась, совсем пропала.

– Ну, какая журналистика? Менеджер по рекламе...

– Так в журнале же работаешь. О стиле жизни!

– Свет, это принципиально разные вещи. Ну, да ладно... Говори, а то эти твои па... Изда-лека заходишь.

– Проницательная ты наша! Вовку в командировку погнали, а у нас – мероприятие.

– Какое мероприятие? Свадьба?

– Не, до свадьбы пока не дозрели. Слишком широко мыслишь. Локальное.

– Ну, говори – не томи.

– Билеты на финал КВН-95. Ты ж знаешь, там такой кайф будет! Моя любимая команда на первое место метит.

– А что за команда?

– «Эскадрон гусар». Ой, Жень, как мне их Ржевский нравится – такой красавчик! А тут – живьём! Жень, а вдруг это – мой шанс с ним познакомиться? – в голосе Светы засквозили мечтательные нотки. Жень рассмеялась, представив, как Света томно закатывает глаза.

– Ну, что ты смеёшься? – почти обиделась подруга.

– Они там все хороши! То-то Вовчик в командировку укатил. Ты думаешь, он не замечает твоих восторгов?

– Замечает, даже сцены ревности устраивает, – вздохнула Света. Жень усмехнулась.

– Прекрати смеяться! Ответь лучше, пойдешь ты со мной в эту субботу или нет? – Света начала злиться.

– Пойду, конечно, пойду...

– Вот и славно, трам-пам-пам!

На субботу у Жени были планы, но перспектива посмотреть выступление любимцев всей страны, весьма улыбалась. Поэтому дела она отложила и призадумалась, в чем же ей пойти? В предновогодней Москве было сыро и грустно, хотелось тепла и уюта, поэтому выбор пал на теплые шерстяные брючки терракотового цвета и, в тон им, мягкий пуловер из монгольского кашемира. Терракота очень шла к её темным, с легким отблеском рыжины каштановым волосам и карим глазам.

Мысленно поставив галочку, Женя вернулась в день сегодняшний – это был вторник и до встречи с гусарами оставалось ещё четыре дня. А выполнить за эти четыре дня нужно было план пятилетки!

Дни проскакивали яркой чередой и рабочая неделя, притормозив напоследок, наконец-то завершалась. Последний пункт пятничной программы: посещение любимого рекламодателя – господина Самоделкина.

Как ни странно, это была его настоящая фамилия, отсылавшая Женю к воспоминаниям самого раннего детства – журналу «Мурзилка» и приключениям компании сказочных человечков, в которой гением инженерной мысли был как раз Самоделкин. Эдакий робот, собранный из гаек и болтов. Как уж он там функционировал, ясности не было, но был безусловным Женькиным фаворитом. Одно это сразу же расположило её к Андрею Самоделкину, да и дальнейшее знакомство оказалось вполне приятным и результативным. Он стал давать рекламу в Женин журнал.

Вот и сейчас предстояло обсудить новую публикацию и Женя, оскальзываясь на заледевшем асфальте, пробиралась сквозь неубранные сугробы к павильону выставки «Росстрой-экспо», в котором размещался самоделкинский шоу-рум дизайнерской керамической плитки и сантехники.

Страхнув налипший снег с модных сапожек, она уверенно толкнула дверь. Внутри царил весьма живописный полумрак: выгородки из дорогой дизайнерской керамической плитки с художественными панно по рисункам Пикассо, Мондриана и Миро, невероятной красоты сантехнические объекты и футуристического вида смесители доставляли ей эстетическое наслаждение.

Вообще-то, она любила бывать здесь, но сейчас подумать об этом не успела, так как была атакована с двух сторон чем-то большим, энергичным и мягким. Это или эти что-то, а точнее – кто-то, наскakивали на неё, не давая опомниться, и только по радостному повизгиванию и слюнявым языкам, норовившим облизать ей лицо, Женька поняла, что это собаки. Откуда здесь собаки?

И собаки необычные. Когда Женя смогла выбраться из круговерти обожания, она увидела двух черных крутолобых щенков, каждый размером с новорожденного теленка. Чуть поодаль, хитро улыбаясь, стоял хозяин этого любопытного места.

– Кто это? – поинтересовалась Женя, пытаясь одновременно погладить две вертлявые счастливые мордахи.

– Мастифы. Вот... Завёл.

– А почему они здесь?

– А куда я их таких здоровенных дену? Квартиру вмиг разнесут, – рассудительно заметил Андрей. – Пусть тут живут. Добро охраняют.

– Какие из них охранники?! – рассмеялась Женька. – Только если залижут до смерти злоумышленника.

– Не скажи... – глубокомысленно протянул Андрей. – Представь реакцию вора, который сюда залезет, а к нему навстречу на всех парах несутся эти две махины.

– Да уж, – Женя представила и не позавидовала воображаемому злодею.

– Пойдем в кабинет, – предложил Андрей. – Там всё обсудим.

– Да, пойдем. Нам надо согласовать макет и утвердить медиаплан на следующие полгода.

На следующий день

Зал Московского дворца молодежи был забит под завязку. Пробравшись согласно купленным билетам в середину ряда, подруги расположились в довольно неудобных креслах. Света от возбужденного ожидания ёрзала на месте и не могла ни на чём сосредоточиться. Её

ждала встреча с кумиром! Пытаться вести с ней беседу было бессмысленно, поэтому Женя просто смотрела по сторонам.

Вокруг царило всеобщее возбуждение. Зрители объединялись в группы и активно жестикулируя громко обсуждали перспективы победы любимой команды. Было заметно, что между некоторыми группами болельщиков уже возникли противоречия и беседа ведётся на повышенных тонах. Но до потасовок, слава Богу, дело не доходило. Зрители рассаживались по местам, действие скоро должно было начаться.

Двумя рядами ниже через спорящих о чем-то зрителей пробирался к своему месту высокий светловолосый парень. Женя зацепилась взглядом за его стройную фигуру в сером клетчатом костюме. Этот дорогой, явно брендовый костюм, сильно отличал парня от основной массы зрителей, преимущественно студентов, одетых в джинсы и объемные вязаные свитера. Но недолго Жене довелось любоваться статным модником: заиграла музыка и свет в зале погас.

Под бодрящую кавээновскую музыку на сцену вышли команды соперников, а за ними, вопреки сложившейся традиции, спустился Александр Масляков. Сказав приветственную речь и поздравив всех с наступающим 1996 годом, он представил команды Харьковского авиационного института и Львовского высшего военно-политического училища. Затем дошла очередь до представления членов жюри, и, когда все наконец заняли положенные им места, игра началась с приветствия ХАИ под хитяру Status Quo «In The Army Now», только игроки пели на свой лад: «Ты в Кавээне нау!»

«Пошутил, выпил, в Харьков – романтика!», «какой русский не мечтает стать новым русским?» Действительно смешно, но Света от нетерпения покусывала губы – ждала появления любимого Ржевского.

И вот! Момент настал! Команда ХАИ под аплодисменты зрителей покинула сцену и на ней появился Сухов из «Белого солнца пустыни». Точнее, это была симпатичная девушка, представившаяся как боец гусарского эскадрона Сухова-Кобылина. После прочтения ею душевного письма Александру Васильевичу Маслякову на сцену ровным строем вытрусил гарем в чадрах, который на поверку оказался эскадроном муз-гусаров. И началось приветствие «Эскадрона гусар» аж от Адама и Евы, рассказали, как гусары встречают Новый год согласно Уставу, оценили грядущий год по кавээновски – на 1 (так себе), 9 (прекрасно), 9 (аналогично), 6 (поживём – увидим). Год будет нелёгким, но приятным, резюмировал Ржевский, вынося на руках на сцену Сухову-Кобылину. В завершение спели песню про новый год и слово «жизнь». На том приветствие «Ты помнишь, как всё начиналось» и закончилось лидерством ХАИ.

Разминка «Новый ответ на старый вопрос» Женю разочаровала. В импровизации обе команды были не сильны, на общем фоне так себе высказываний блистал капитан команды ХАИ Андрей Чивурин. Блеск гусар слегка поблёк, разрыв очков увеличился, Света вновь кусала губы.

А вот дальше началось! Музыкальный конкурс «Что вижу, то пою» просто порвал зал! ХАИ вновь были великолепны, болельщики ликовали, но гусары с песней «О-Ё!» ворвались в историю. Эта песня обещала стать лейтмотивом ближайшего десятилетия, так как наиточнейшим образом отражала реакцию людей на происходящие в стране. На сцене появились две группы: преуспевающие «новые русские» – позитивисты, не видящие сквозь розовые очки своего существования ничего плохого, и «ослепшие» негативисты, в жизни которых не было, по их мнению, ничего хорошего. Под знаковый припев: «О-Ё!» прозрели обе компании, наметилось стремление к балансу, а не пропетый, но очевидный вывод: «каждый кузнец своего счастья/несчастья» обеспечил триумфальный финал конкурса.

Зал взорвался аплодисментами! Светка вскочила и что есть мочи закричала: «Браво!». Да... Это было что-то! Разрыв между командами резко сократился.

В капитанском конкурсе «Как играть в КВН», как показалось Жене, ХАИ был лучше, но жюри решило иначе. А последний конкурс «Муза КВН» уничтожил разницу в счёте. ХАИ

не помогла даже «тяжелая артиллерия» – участие в этом номере Евгения Маргулиса, взявшего на себя роль Деда Мороза.

Жюри ушло совещаться. Откупорили бутылку шампанского, осушили бокалы, долго оживлённо спорили и пришли к общему выводу: ничья. В Высшей лиге КВН в 1995 году будет два победителя. Зрители встретили вердикт всеобщим ликованием! Общая волна восторга подхватила Женю, она хлопала и радовалась вместе с болельщиками команд и вместе с ними была счастлива!

Игра была окончена. Зрители, преимущественно девушки, потянулись к сцене.

– Женька, мой час настал! – с одержимой уверенностью заявила Светка и ломанулась туда же, расталкивая по пути менее проворных соперниц.

Женя проводила её взглядом и посмотрела на сцену. Там уже началось неформальное общение игроков. Довольные гусары поздравляли хаимовцев, хаимовцы поздравляли гусар, все жали друг другу руки, обнимались, в общем, царил всеобщая победная эйфория после окончания весёлого, но сложного противостояния. Женя поискала глазами Ржевского. Он стоял в самом центре этого радостного круговорота и спокойно беседовал с давешним блондином в сером костюме. Вот блондин что-то сказал гусару, лучезарно улыбнулся и посмотрел в зал. Женя вздрогнула – она знала этого парня! Лицо точно было знакомым, но где она его видела, Женя никак не могла вспомнить.

– Чё стоишь, пойдём! – Светка подхватила Женю под руку и бесцеремонно потащила к выходу.

– Ты чего завелась-то? – Женя безуспешно пыталась высвободиться из цепких рук подруги, удивляясь свирепому выражению её обычно невоинственного лица.

– Представляешь, эта лахудра его гражданская жена! – зло процедила Света.

– Какая лахудра? – не сразу сориентировалась в теме разговора Женя.

– Ну, эта! Гвардейка Сухова! Тьфу!

Похоже, этот факт всерьёз расстроил Светкины матримониальные планы.

– Гвардейка-индейка... Эх, зря только Вовчик в командировку укатил, – пошутила Женя.

– Ничего не зря! – неожиданно энергично возразила подруга. – Пусть деньги зарабатывает! На свадьбу.

– Так «не дозрели» же ещё? – удивилась Женька.

– Теперь созреет! Как миленький созреет! – это было сказано тоном, не допускающим возражений.

В тот же вечер

Максим шагал по слякотным предновогоднему бульвару от станции метро, радовался встрече со вчерашними соратниками и улыбался нахлынувшим воспоминаниям.

«Клуб веселых и находчивых» – телевизионная игра, за перипетиями которой наблюдали в молодости еще родители Максима. Он только родился, когда популярная передача исчезла с голубых экранов. Но в начале Перестройки КВН вновь вернулся в эфирную сетку. Пospособствовали этому участники первых кавээновских команд. Благодаря им бессменным ведущим этого зазорного конкурса вновь стал Александр Васильевич Масляков.

Будучи подростком Максим иногда с увлечением погружался в баталии кавээновских команд, впрочем, со свойственной возрасту непоседливостью, делал это от случая к случаю. К тому же жизнь в казарме не очень-то позволяла распоряжаться собственным временем. Но, когда удавалось, Максиму нравилось следить за игрой ума и экспромтами членов команд, он с интересом смотрел мини-спектакли на злободневные темы, которые в конкурсах разыгрывали ребята, лишь ненамного старше него, и думал, как, наверное, здорово и одновременно сложно находиться на этой сцене.

И как же он был рад, когда в родном Львовском высшем военно-политическом училище была создана собственная команда КВН «Львовские гусары»! В дальнейшем, после известных событий и небольшого творческого перерыва, она была переименована в «Эскадрон гусар». Но это случится несколькими годами позже.

А тогда инициаторами создания выступили братья Андрей и Дмитрий Криворучко. Команда, удачно выбрав сценический образ гусар, сочетавший военную дисциплину с юмором, находчивостью и романтикой, быстро выиграла местную лигу, в 1991 выступила на фестивале «КиВиН-1991» в Тюмени и попала в Высшую лигу.

Команда получилась, поистине, уникальная и её головокружительный успех навёл командование училища на мысль, выделить гусар в отдельное направление, максимально освободив их от армейской рутины и создав условия для безудержного творчества.

Остальные курсанты, конечно, завидовали «гусарским» привилегиям, но с уважением относились к их деятельности и стремились хоть немного быть причастными к творческому процессу. Кроме того, собственные креативные потуги давали им призрачный шанс самим стать частью знаменитой команды.

Однажды друг Тимоха, глядя перед собой остекленевшим взглядом, вдруг выдал:

Жалуеться тетя Дуся:

Убирать в метро боюсь –

Нагибаюсь над ведром,

В ...опу вставили жетон!

В тишине казармы сослуживцы, на мгновение затаившие дыхание, чтобы услышать концовку, разразились громким молодецким ржанием.

Свои вирши Тимоха отнёс гусарам, те стихотворение приняли, однако, к глубокому огорчению автора, в эфир оно не пошло.

Максим, когда позволяло свободное время, присутствовал на репетициях команды, с удовольствием наблюдая, как создаются «гусарские шедевры».

Выбор образа гусар стал для команды настоящей визитной карточкой. Гусар — он и защитник, и немного авантюрист. Эта грань позволяла команде показывать на сцене не просто военных, а настоящих «рыцарей», что добавляло их выступлениям особого шарма и выделяло их на фоне других армейских и студенческих команд. Военная выправка и четкость, привитые в училище, команда сочетала с кавээновской находчивостью и самоиронией.

Кроме того, образ позволял быстро переключаться. Гусар мог быть и Петром Первым, и современным прапорщиком, и романтическим поэтом в военной форме. Юмор строился на несоответствиях: военная строгость встречалась с бытовыми или смешными ситуациями. Они могли предстать как строевая единица «Львовских гусар», рапортующая шутками, или как сборище лихих ребят, которые по-своему смотрят на армейскую жизнь.

Музыкальность и романтика гусарской темы – романсы, песни, стихи – также давали богатый материал для пародий, попури и лирических отступлений.

Ключевой фигурой в команде был поручик Ржевский. Прототипом послужил герой, впервые появившийся в фильме «Гусарская баллада», а затем прочно укоренившийся в анекдотах. Он оказался идеальным персонажем для команды: смелый, бесшабашный и абсолютно уверенный в своей неотразимости. Ржевский стал символ лихости и гусарского шика, сдобренный немалой долей абсурда и самоиронии. На сцене он неизменно появлялся в идеально подогнанном гусарском ментике и доломане.

Любвеобильность Ржевского в анекдотах — классика. Команда продвигала её через диалоги, в которых он «сватался» к различным персонажам (медсёстрам, библиотекарям, девушкам из зрительного зала), обязательно попадая впросак и демонстрируя полное непонимание женской психологии.

Курсанты не просто шутили про армию — они создали целый мир со своей эстетикой, где устав сочетался с житейскими хитростями, а романтика — с искрометным юмором. Им удавалось создать на сцене уникальную атмосферу, которая была понятна и зрителям, и жюри. Всё это сделало команду «Львовские гусары» любимцами телевизионной аудитории страны.

Перебирая в памяти репетиции и выступления родной команды, Максим так «размяк душой», что, добравшись до дома, был до краёв полон ностальгических воспоминаний.

Декабрь 1995

Жизнь менялась стремительно и к концу 1995 года разительно отличалась от той, что была ещё два года назад. В НИИ было тягостно и казалось, что в этом бесперспективном болоте можно увязнуть навсегда, но тут подоспели переломные события новейшей истории конца сентября - начала октября 1993: кульминация конфликта президента Бориса Ельцина и Руслана Хасбулатова, возглавлявшего Верховный совет, фактически – парламент страны. Разразился внутривластный кризис, закончившийся осадой и обстрелом Белого дома, а затем следствием над парламентариями и их сторонниками. Пролилась кровь: более 150 человек погибло около 400 получили ранения. В столицу снова вошли войска и танки и Женя отчётливо вспомнила свою оторопь, когда два года назад шла по взбудораженной Москве, а на Калининском проспекте в клубах гари, ломая асфальт и тротуары, маневрировали танки. Снова было то же ощущение растерянности и бессилия. Но кризис худо-бедно одолели и страна, буксуя в болотах и подпрыгивая на кочках медленно двинулась дальше по целине своего особого пути.

Новый экономический строй давал богатый урожай коммерческих предприятий всех мастей, конкуренция возрастала и компании боролись за покупателей посредством агрессивной рекламы. Направление было перспективным и Женя устроилась на работу в рекламный отдел издательского дома. Женин журнал о стиле жизни был немного в стороне от битвы рекламных бюджетов, ибо рассказывал о стиле в категории «люкс», а эта аудитория суеты не терпит. Но и тут поле было ещё непаханное и впахивать приходилось от зари до зари.

Такая жизнь ей нравилась. Помариновавшись полтора года в НИИ в условиях постсоветской деградации, Евгения со всей страстью юного энтузиазма окунулась в водоворот зарождавшихся товарно-денежных отношений общества потребления. Все чего-то покупали и продавали. Активно налаживались связи с европейскими производителями. Появились импортные товары, ранее совершенно немыслимые. Открывались магазины, вездесущие ларьки, бойко торговали рынки. В Москву потянулись экспаты.

Женя, по праву рождения живущая в одном из самых престижных домов столицы, неожиданно обнаружила, что состав жильцов дома здорово обновился, а новые соседи говорят в основном на французском, немецком и итальянском. Правда, был и один весьма шустрый серб. И таинственный китаец, к которому в ночи приезжали сверкающие стразами девушки ослепительной красоты и столь же ослепительной безответственности. Причём, группами. Китайская душа – потёмки. Но и пути Господни неисповедимы. Китаец довольно быстро освоил жилплощадь, однажды не сумев подняться по мраморной лестнице подъезда. Утомленное любовной гимнастикой сердце перестало биться. Не берёт себя...

Кроме экспатов в доме появились загадочные персонажи, перемещавшиеся исключительно под строгим надзором бодигардов. Один такой важный господин весьма невысокого роста, поселился несколькими этажами выше Жени.

Местные сплетницы утверждали, что столь авторитетных товарищей в доме аж восемь персон и беспокоились, как бы не возникло между ними противоречий. В окно квартиры Женя видела, как по утрам разъезжаются кортежи с мигалками (мигалка на такой машине – это писк престижа!), но никаких трений не возникало. Они старательно делали вид, что друг друга не замечают.

Волна преступности, захлестнувшая страну после распада СССР, в Москве начинала постепенно сходить на нет. Стреляли уже реже. Персонажи с бодигардами выходили из сумрака пердела зон влияния на широкую панель официального рынка. Легализовались, избирались в депутаты, получали неприкосновенность. Но иногда всё же встречались с пулей. Или небольшой закладкой под машиной. В 1995 году такое было не редкостью.

Вели они себя как хозяева жизни. Появившись в доме, Женькин сосед ещё, судя по всему, очень беспокоился за свою безопасность. Охранников было двое. Один шёл впереди, заглядывая за все выступы и изгибы затейливого сталинского интерьера подъезда, второй прикрывал тылы. Как-то раз Женя подошла к лифту, когда ВИП-персона, едва дотягивавшая ростом до Женькиного плеча, в сопровождении двухметровых детин загрузилась в лифт. Женя шагнула в лифт, но телохранитель встал поперек дороги. (Что?!!! В моём доме меня не пускают в лифт?! Я живу здесь всю свою жизнь!) Женя молча сделала второй шаг и бодигард, нерешительно взглянув на хозяина, посторонился. С этого дня они стали здороваться и в лифте иногда ездили вместе.

Московская жизнь бурлила и искрила россыпью фейерверков. Открывались казино и клубы, зарождалась традиция бурных красочных презентаций всего нового и масштабного. На улицах появлялись первые шестисотые «Мерседесы». Столица активно застраивалась: на Манежной площади сооружали подземный торговый центр «Охотный ряд», перед Красной площадью восстанавливали разобранные в 1931 году Воскресенские ворота, Храм Христа Спасителя, этот циклопический памятник мэру-реформатору Лужкову, возводили круглосуточно и в конце года над Москвой засиял золотой купол. На Манежной площади поставили памятник «Маршалу Победы» – Георгию Жукову. Весьма неоднозначный памятник весьма неоднозначному военачальнику, он был прохладно принят жителями столицы. Велось масштабное строительство жилья в Бутово.

В марте был убит всеобщий любимец и, как казалось, баловень судьбы – Владислав Листьев. Талантливый журналист, формировавший информационную повестку конца восьмидесятых – начала девяностых. В 1995 году он возглавлял самый главный телеканал страны. Пердел зон влияния затронул все сферы.

Год заканчивался. Но был он сложным во всех смыслах. Первая чеченская война, начавшаяся в 1994, перешла в активную фазу. Высокая террористическая угроза не отпускала москвичей: шесть терактов в столице за текущий год. Но силовые структуры быстро обучались и жизнь шла своим чередом.

Все эти тектонические процессы, конечно же, влияли на Женю, но напрямую, слава Богу, её не коснулись. Она азартно искала клиентов, разрабатывала рекламные макеты и «продающие» тексты, зарабатывала деньги. Слегка грела мысль о том, что удалось ей всё же стать частью того московского среднего класса, существование которого все дружно отрицали. Нацеленность на результативную работу и абсолютное равнодушие к мишуре зарождавшегося «гламура» позволяли Жене не проваливаться в зыбкую топь московской ночной жизни. Это столичное закулисье было для неё закрытой темой. Работы много, не до баловства. Но кое-кто из её окружения уже сгинул в мареве наркотического дурмана. Жизнь лихорадила, все боялись чего-то не успеть...

1992

Львовский период жизни Максима завершился: после написания рапорта он был переведён в Москву в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина.

Страна трещала по швам. Рушилось старое мироустройство. В армии упразднили военно-политические органы, военспецы в этой области стали не нужны. Поэтому сразу после сдачи выпускных экзаменов Максиму было предложено написать рапорт об увольнении из Вооружённых сил.

Максим был растерян. Военная карьера, которую он так старательно выстраивал ещё с подросткового возраста, рухнула в одночасье. Что делать, он не знал. Никаких «запасных планов» на жизнь у него не было. Можно было бы попробовать себя в другой военной специальности, но в какой? Да и в армии в этот момент происходили процессы, не вселявшие ни уверенности, ни оптимизма.

Раздумывая над этим судьбоносным вопросом, Максим вышел в сквер, который Академия делила с театром имени Моссовета. Прошёл по заросшим, давно не ремонтированным дорожкам до торжественных кованых ворот и очутился на Садовом кольце.

Мимо него двигался плотный поток машин: разномастные «жигули» и «москвичи», грузовые ЗИЛы, РАФики, изредка «Волги». Вот неспешно проплыл троллейбус, скрывшись в подземелье тоннеля под Триумфальной площадью, мимо проскочил юркий, ещё ушастый, «запорожец».

Подкатила чёрная, блестящая полированным лаком «Волга». Остановилась. Пассажир выбрался с переднего сидения, махнул водителю, чтобы тот уезжал, обернулся и... узнал Максима.

– Максим, вот не ожидал увидеть тебя здесь. Какими судьбами?

Это был известный Режиссёр. Будучи уроженцем Львова, он отдавал дань родному городу, преподавая в ЛВВПУ историю театра. Максима выделял. Да и курсант старался не упасть лицом в грязь – внимательно изучал предмет: во-первых, было интересно, а во-вторых, не хотелось разочаровывать мэтра.

Максим тоже был рад. Они даже тепло обнялись, что ещё недавно было немыслимо. Субординация.

Он ответил на вопрос педагога, наверное, чуть подробнее, чем того требовали приличия. Но мэтр слушал со всем вниманием, а потом экспрессивно взмахнул рукой:

– Да на хрен тебе эта армия! Казарма не надоела? Приходи ко мне в театр, – Режиссёр протянул визитную карточку. – У меня теперь свой авторский театр. Покумекаем, куда тебя такого красавца пристроить.

1996

Начавшийся неспешно год быстро набирал обороты. Работы было много, даже слишком много. Отличавшаяся тщательным подходом ко всему, что делала, Женя системно «просеивала» рынок, находя все новых рекламодателей для своего журнала. Он не имел чёткой специализации – журнал о стиле жизни, и редакторы разделов вводили рубрики по мере проработки материала. Так и Женя, быстро трансформировавшись из менеджера по рекламе в редактора раздела, создала рубрику «Hi End». Тема эта для России была неизведанная и быстрорастущая: сложная акустическая аппаратура привозилась из-за рубежа, стоила баснословных денег, но создавала столь божественное звучание, что начала быстро входить в моду у «новых русских». Те из них, кто был не чужд эстетическому наслаждению, устанавливали Hi End системы в московских квартирах и загородных домах. В Москве появлялись всё новые салоны, благо, направлений в хай энде было множество и спор о том, что хорошо, а что плохо в звуке не утихал.

Особенно сдружилась Женя с Валерой, организовавшим «лавку» в знаковом месте того времени – ДК им. Горбунова. В так называемой «Горбушке» проходили важнейшие концерты андеграунда, джазовой музыки, русского рока, Валерка варился в горячем котле музыкальных событий. К этому весёлому парню Женя с удовольствием приходила послушать музыкальные новинки, а заодно узнать, что происходит в богемной жизни столицы.

Логичным продолжением бурного развития рынка стало проведение первой выставки «Hi-fi & Hi End Show», на которой собрались ВСЕ. И любители, и продавцы, и покупатели. Вот уж где Женька от души пообщалась со своими знакомыми и клиентами и вдоволь наслушалась

первоклассного звучания сложнейших и красивейших систем. Но в журнале о стиле жизни она тогда уже не работала.

Женькина жизнь менялась со скоростью взлетающего реактивного лайнера. Только она начала немного «подгорать» в редакции журнала, испытывая некоторое неудовлетворение от «продажи ожиданий» клиентам и от невозможности пощупать или как-то иначе оценить результат, как поступило предложение, от которого невозможно было отказаться. Женя была успешна в своем деле, которым занималась с большим воодушевлением, а это не остаётся незамеченным – её пригласили работать в крупное агентство полного цикла, которое занималось рекламой в широком смысле: от размещения и баинга, до производства рекламных видеороликов силами собственной творческой студии.

Это было то, о чём она даже не успела помечтать! Женя поучаствовала в съёмках нескольких роликов для своих клиентов и, будучи человеком организованным, с хорошо структурированным (по словам руководства) мышлением, практически сразу из менеджеров по продажам была переведена в помощники продюсера. Иван Михайлович, генеральный директор агентства, вызвал Женю на разговор.

– Евгения, проходи, садись, – он указал на стул напротив своего стола, а сам уютно устроился в директорском кресле.

Он был ещё очень молод, на год младше Жени, но обладал целой россыпью талантов и просто чудовищной прозорливостью. За что пользовался уважением сотрудников, однако оставался для них Ваней, иногда – Ванечкой. Женька, заметив, что такое обращение шефу не нравится, первой начала обращаться к нему по имени-отчеству: «Иван Михайлович». Впрочем, нововведение быстро прижилось в коллективе, и директор этим обстоятельством был весьма доволен.

– К нам пришёл банк, – сообщил Иван Михайлович и внимательно посмотрел на Женю. Не дождавшись реакции, он вздохнул и продолжил. – Ты же знаешь, как мы любим таких клиентов: тот ещё геморрой на наши головы! Хотя задачка интересная: они сами сочинили гимн банка и теперь хотят снять духоподъемный музыкальный клип. Вот ты этим и займешься.

– Вам понравился гимн? – спросила Женька. Шеф пожал плечами и как-то неопределенно махнул рукой. – Текст сносный, даже, пожалуй, неплохой, мелодия так себе, но тоже имеет право на жизнь. Аранжировка ужасная, – он снова вздохнул. – В общем, сама всё услышишь. Мастер-лента у звуковиков.

– Иван Михайлович, а кто назначен продюсером проекта?

– Ты, – просто ответил директор и, коротко взглянув на потерявшую от неожиданности дар речи Евгению, улыбнулся полученному эффекту. – Посмотрел я на своих суперпрофессиональных балбесов и понял, что при всех их талантах, они жутко неорганизованные. А ты – человек структурный, всё у тебя по плану расписано... Ты ж понимаешь, банкиры работают с цифрами, цифрами и мыслят. Им нужна дисциплина. Поэтому, назначаю тебя продюсером этого проекта.

– У меня опыта ещё мало, – грустно заметила Женя. – Даже не знаю с чего начать.

– Всё у тебя получится. Я уверен. Главное, не бояться. Возьми Сашу режиссером и Зою – помощником и вторым режиссером. Зоя весь рынок знает, поможет тебе с подбором специалистов в команду и, вообще, можешь на неё положиться. А начать нужно с начала: с постановки задачи.

– Техническое задание есть? – встрепелась Женя.

Шеф сразу же пресёк всякие надежды:

– Нет, конечно. Даже бриф заполнить не могут. Впрочем, ничего нового, – он передал Женьке визитную карточку. – Вот – Елена. Специалист по рекламе банка, будет отвечать за этот проект. Свяжись с ней: нужно организовать встречу с руководством, понять ожидания и тщательно расспросить обо всём, что они себе напридумывали. Дерзай!

Женька поняла, что аудиенция закончена.

Через два дня

– Рада знакомству! – доброжелательно улыбнулась Елена в ответ на приветствие. Симпатичная женщина неопределенного возраста 30+ с какой-то замысловатой стрижкой.

«Приятная улыбка», – невольно отметила про себя Женя, и удивилась грустному выражению карих глаз Елены. Зоя достала блокнот, приготовившись конспектировать.

– Елена, мы изучили, переданные вами материалы и хотели бы двинуться дальше: сформулировать цели проекта и приступить к написанию сценария, – начала Женя.

– Это хорошо, что вы подготовились, – Елена почему-то вздохнула. – Через сорок минут у нас с вами встреча с председателем правления банка Ираидой Семёновой, а пока я введу вас в курс дела.

Небольшой кабинет председателя правления банка был неуютен из-за предельного минимализма, приверженкой которого, по словам Елены, была его хозяйка. Лишь развешанные по стенам чёрно-белые абстракции давали взгляду за что-то зацепиться, однако, не вносили смысла в интерьер. Ираида Семёновна, худая блондинка лет сорока пяти в красном брючном костюме, сидела за массивным столом и что-то печатала, пристально вглядываясь в монитор компьютера. На вошедших она даже не посмотрела. Пауза затягивалась, Елена заметно нервничала, но, уже на грани приличия, Ираида Семёновна повернулась в их сторону, улыбнулась широкой, но неискренней улыбкой, и поздоровалась.

– Располагайтесь, – она кивнула в сторону современных кресел и дивана напротив. – Вы гимн слушали? – с места в карьер стартовала Ираида Семёновна.

– Да, конечно, – Женя улыбнулась самой своей обворожительной улыбкой. – Хороший, энергичный текст, правильные, клиентоориентированные послы. С таким материалом приятно работать.

– Вот, вот, поработайте. Нам нужно, чтобы это было красиво, ярко, талантливо и хорошо запоминалось, – она внимательно посмотрела сначала на Женю, потом на Зою и продолжила: – Гимном мы хотим прославлять банк, поэтому от вас требуется показать быстрый рост и масштаб нашего бизнеса. Только без вот этой банковской банальщины, – брезгливая гримаса на мгновение отразилась на её лице, но тут же сменилась «доброжелательной» улыбкой. – Это скучно до зубовного скрежета и никому не интересно!

– Возраст наших сотрудников, в основном, от 27 до 35 лет, – вступила в разговор Елена. – Это прекрасный возраст: когда ещё много сил для успешной работы, творческих прорывов, креатива. В то же время, уже есть опыт, знания, начинают не с чистого листа. Самое лучшее время в жизни человека. И мы хотим, чтобы всё это было в клипе: драйв, полёт мысли, творческая энергия тридцатилетних!

– Да, и карьерный рост, обязательно, – оживилась Ираида Семёновна. – Вы знаете, в нашем банке талантливая молодёжь быстро строит карьеру. Активным и трудолюбивым сотрудникам мы всегда даём возможность проявить себя.

– Судя по всему, просто замечательно работать в вашем банке, – вежливо улыбнулась Женя.

– Да, и вы как раз должны это показать. Дать зрителю почувствовать и зарядиться энергией нашего дружного коллектива!

– Сделаем, – уверенно пообещала Женя.

– Вы курите? – спросила Елена, когда они вышли из приёмной.

– Нет, но мы бы с удовольствием составили вам компанию. Очень хочется на воздух, – Женя почему-то была измучена переговорами.

– Жень, – Зоя смотрела взглядом побитой собаки. – Мне Лёню сегодня из садика забирать.

– Да, Зоя, иди, конечно.

Зажигалка прыгала в непослушных пальцах Елены и никак не хотела высекать пламя. Они стояли во дворе высокого сталинского дома, на первых двух этажах которого размещался банк. Около ведущей во двор арки курили два молодых человека в галстуках фирменного красного цвета. Елена подошла к ним и прикурила.

– Обошлось, – выпустив кольцо ароматного дыма, с облегчением выдохнула Елена. – Я думала, будет хуже. Мы давно уже бьёмся с этим проектом. Деньги учредители дали ещё зимой, так ведь нет! У нас представителей творческих профессий считают «шаромыжниками», уж извините, авторская лексика сохранена, – она снова с наслаждением затянулась. – А вас, на счастье, посоветовал друг учредителя. Так что теперь начнём, но готовьтесь, битва будет жёсткая.

– Зачем битва-то? Мы сделаем всё, как вы хотите...

– Так в том-то и проблема: мы не знаем, чего хотим, – Елена с досадой отшвырнула окурок.

– Елена, я хотела спросить, но в приемной не получилось, какие последние достижения банка мы могли бы показать? Раз уж банковскую работу нам снимать запрещено.

Елена призадумалась.

– Да, наша работа тихая... Вот! Банк финансировал строительство 40-этажного жилого дома в районе Юго-Западной. На Ленинском проспекте.

– Да! Я знаю этот дом. Масштабное строение.

– Вот-вот... Масштабное! И цены на квартиры взвинтили до космического масштаба. Там сплошной мрамор, и позолота снизу доверху, даже есть вертолётная площадка для экстренной эвакуации. И виды на Москву с верхних этажей – просто божественные.

– Вертолётная площадка... А посмотреть её можно? – заинтересовалась Женья.

Пока было непонятно, что с этой информацией делать, но в этом точно что-то было.

– Да, я вам её покажу, – Елена протянула руку для рукопожатия. – Очень рада была познакомиться! На вас теперь вся надежда!

– Не волнуйтесь, всё сделаем в лучшем виде, – пожала протянутую руку Женья.

1992

В театре Максим задержался ненадолго.

Поработав немного ассистентом на подхвате у гениального Режиссёра, он с головой окунулся в богемную жизнь столицы. В силу своей общительности в театре завязал интереснейшие знакомства с актёрами труппы, постановочной группой, костюмерами и гримерами. Весёлые дружеские отношения сложились у него с Сергеем, актёром, к которому благоволил мэтр, отмечая особую пластичность сценического таланта молодого дарования. Максим отмечал, что непростой театральный народ, в целом, отнёсся к нему доброжелательно, но своим в этой среде он не стал.

Однажды стилист театра Лёва, к тому моменту совершивший революцию в создании сценических образов и ставший притчей в московской креативной среде, остановил нового ассистента в коридоре и, окинув профессиональным взглядом ладную высокую фигуру Максима, доверительно сообщил:

– Поскольку ты не артист, делать тебе здесь нечего. Такая фактура пропадает! – протянул Максиму визитную карточку и добавил: – Вот, позвони. «Международный центр моды», Театр костюма. На подиуме тебе самое место.

– Вы к кому?

Напротив Максима стоял высокий голубоглазый парень с длинными светлыми волосами. Одет он был в белую полурасстёгнутую рубашку и узкие джинсы, заправленные, как ни странно, в высокие кожаные ботфорты. Необычная обувь и крупные кудри, рассыпавшиеся по плечам, создавали ощущение, что он только что сошёл со страниц романа Дюма. Этакий герцог Бэкингем... Парень не улыбался, внимательно разглядывал Макса.

– К Юрию Арсу.

– Вас кто прислал?

– Лёва.

– Лёвка? Тогда понятно, – усмехнулся парень. Протянул руку: – Юра.

– Максим.

– Пойдёмте в кабинет. – Юрий открыл тяжёлую деревянную дверь и пропустил Максима вперёд.

Кабинет оказался полупустой комнатой с массивным столом в центре и кожаным креслом босса. На столе: ворох бумаг и глянцевые журналы. За столом размещался вычурный книжный шкаф, хаотично заваленный папками, афишами, стопками журналов. Перед столом – два широких кожаных кресла, на одном из которых вальяжно расположился Юрий. Присесть не предложил, поэтому Максим, соблюдая субординацию, остался стоять.

Арс внимательно рассматривал Максима, пауза затягивалась.

– Вам дискомфортно?

– Да. Честно говоря, не привык, – поёжился под пристальным взглядом Максим.

– Привыкайте, это часть нашей работы. Пройдите, пожалуйста, по комнате. Несколько раз туда-сюда.

– Как? – не понял Максим.

– Просто. Как на прогулке.

Макс прошёлся по кабинету.

– У вас хорошая осанка, в армии служили?

– Да, военный человек.

– Присаживайтесь, – Юра показал на кресло напротив. – И как же вас, военного человека, угораздило попасть в цепкие Лёвкины ручки?

– Что вы имеете в виду? – насторожился Макс.

– Ничего особенного. Где вы познакомились?

– Мы не очень близко знакомы, работали вместе.

– Это где же? – изумился Юра. – Лёвушка и армия вещи несовместные.

– В театре. Я после армии полгода в театре у мэтра служил.

– После армии и в театр к мэтру?! Крутой поворот судьбы, вы не находите? Как это стало возможным?

– Всё очень просто. Мэтр преподавал у меня во Львове историю театра. Учился я отлично, он ко мне хорошо относился. После увольнения из армии, случайно встретились в Москве. У меня не было никаких мыслей по поводу будущего. Он и предложил. Сказал, что всегда нужны толковые исполнители. Без малого полгода работал у него помощником.

– А почему работу ищете?

– Понял, что не моё, надо двигаться дальше. Куда, пока не знаю, вот Лёва предложил попробовать.

– Да, спасибо Лёве: вы нам отлично подойдёте! С движением самую малость поработать надо. Ну, это Давид быстро поправит.

Он нажал кнопку селектора.

– Слушаю вас, – отозвался мелодичный голос секретаря.

– Машенька, а сделай-ка нам кофе. Мне как всегда, а Максиму... – он вопросительно взглянул на Макса.

– Эспresso.

– Двойной?

Макс кивнул.

– А Максиму двойной эспresso, – сообщил Юрий селектору.

– Поняла, – прожурчала секретарь и отключилась.

– Ну, вот... А пока Машенька готовит нам кофе, я вас введу в курс дела, чем мы тут занимаемся...

Сентябрь 1996

Лето быстрым шагом уходило в закат. Бесконечный круговорот обсуждений, согласований, поиска, удачных находок, разочарований изрядно измотал Женю, но, неожиданным образом, зарядил лихорадочной энергией творческого азарта.

Мучений было много: сначала бились над сценарием. Вроде бы всё началось бодро – виды с крыши банковского небоскреба были действительно бесподобными и Женя сразу решила, что снимать нужно здесь. Вершина города, как вершина достижений – карьеры, финансового результата, аллегория, понятная многим. Написали первый вариант сценария, потом – второй, потом – третий...

Потом ситуация зашла в тупик, столкнувшись с тотальным несогласием Ираиды Семёновны с любым проявлением творческих инициатив. Но тут подоспели две благие вести: во-первых, учредитель в энергичных выражениях поинтересовался у Ираиды Семёновны «доколе» будет тянуться процесс согласования, а, во-вторых, сама Ираида Семёновна засобиралась во Францию на три недели по каким-то своим личным надобностям. Сочетание этих двух обстоятельств породило надежду на то, что проект удастся реализовать в её отсутствие. На это, во всяком случае, надеялась Елена. Поэтому, до поры до времени, работа забуксовала.

Самая большая сложность заключалась в том, что заботливо собранный Женей и Зоей творческий коллектив всё время рассыпался. Очередной перенос сроков съёмок приводил к тому, что ключевые участники съёмочного процесса из команды выбывали, так как отправлялись в экспедиции или были задействованы на других проектах. Приходилось искать новых.

Благодарение Богу, «артисты» были все свои – выращенные в коллективе. Танцоров из числа сотрудников уже отобрали. Солист определился сразу: имеющий разносторонние таланты инженер технического отдела, автор гимна компании, на Женино счастье, имел разряд по бальным танцам. Это внушало оптимизм.

Но вот – свершилось! Устроив на прощание разнос всем от мала до велика, Ираида Семёновна укатила в Париж. Техническая часть и сценарий были готовы. Ключевой сценой клипа был задуман танец сотрудников на вертолетной площадке на крыше небоскреба. По замыслу режиссёра, съёмки танца нужно было успеть провести в так называемый «золотой час», когда предзакатное солнце заливает город золотым светом. Уже была середина сентября, за окнами стеной лил дождь и снимать что-либо было невозможно.

Осталось дело за «малым»: придумать, поставить и разучить с сотрудниками танец и дожидаться солнечного дня.

И тут обнаружилось, что во всей девятимиллионной Москве не осталось незанятых хореографов требуемой квалификации. Зоя перевернула весь город и уже начала наводить справки об иногородних специалистах...

– Жень, я нашла хореографа, – радостно сообщила Зоя.

– Ну, слава Богу! – с облегчением выдохнула Женя. – Кто он?

– Артур Григорьев. Главный балетмейстер Н-ского театра.

– Ого! И он согласился? – удивилась Женя.

– Вот сразу видно, что ты ещё не в наших реалиях. Жень, ну сколько они получают в театрах-то? Кошкины слезы. Основной заработок на подобных проектах и ивентах. Он хорошо известен в наших кругах. Талант!

– Седовласый мэтр?

– Отнюдь! Молодой, по-моему, нет ещё тридцати пяти. Нам, конечно, сильно повезло, что он оказался свободен на эти дни. Если, конечно же, Ираида Семёновна опять не поменяет дату.

– Сплюнь! Тьфу-тьфу-тьфу! Сколько ж можно! Дальше тянуть нельзя, вон дожди как зарядили, вся надежда на бабье лето.

– Призрачная надежда на женское непостоянство погоды, – глубокомысленно изрекла Зоя и пошла по коридору, выразительно покачивая бёдрами.

Пронзительно зазвонил телефон.

– Да, Евгения...

– Ты ещё в агентстве?! – громко, минуя приветствие, возмутилась трубка.

– Да, Зой, а что? – от неожиданности растерялась Женя.

– Ты не забыла? У тебя через полчаса встреча с хореографом на площадке.

Женя, не забыла, но она с утра сидела над раскадровкой будущего клипа, и так увлеклась, что потеряла счёт времени.

– Уже бегу, – Женя натягивала плащ. Однако за полчаса было никак не успеть. Для неё, ответственной и пунктуальной, опоздание было мучительным.

Она набрала номер консьержа дома:

– Добрый день, это Евгения Александрова из агентства, мы сегодня будем смотреть площадку, разрешение подписано. Огромная просьба, через полчаса к вам подойдет молодой человек, у нас встреча, передайте ему, пожалуйста, мои извинения, я опоздаю минут на 10. Буду признательна!

И, схватив раскадровку, выскочила из кабинета.

Она была на Ленинском даже немного раньше обещанных 10 минут, но всё равно опоздала. Немного притормозив у входа, чтобы выровнять сбившееся дыхание, толкнула высокую стеклянную дверь. В просторном отделанном мрамором холле у светящейся стойки ресепшн о чём-то беседовал с консьержем стройный темноволосый мужчина.

– Артур, здравствуйте! Простите, что заставила вас ждать!

Он обернулся. Открытая белозубая улыбка и темные, почти чёрные, смеющиеся глаза. Густые волосы до плеч придавали ему весьма богемный вид.

– Здравствуйте, Евгения! Рад знакомству!

Неожиданно для себя она протянула руку для рукопожатия. Он ответил: крепкая сильная ладонь.

– Пойдёмте на площадку, там всё посмотрим. На наше счастье выглянуло солнце.

Женя обернулась к консьержу.

– Охранник вас проводит, – кивнул консьерж.

Наигрывая приятную мелодию, не в меру позолоченный лифт услужливо поднимал их на стопятидесятиметровую высоту. Здесь на уровне сорок первого этажа было на удивление спокойно.

– На площадке мы крупно нарисуем логотип банка, чтобы с крана при пролетах было видно, – начала объяснять Женя.

– Как вы кран-то сюда доставите? – поинтересовался Артур.

– Это целая войсковая операция, – вздохнула она. – Но наши технари уже всё рассчитали. Разберут по винтикам и поднимут на лифте. На крыше снова соберут. Давайте решим, как танцоры двигаться здесь будут?

Он улыбнулся:

– Евгения, я уже всё решил. Вот, что предлагаю, – он стал рассказывать и показывать, каким будет танец.

Она залюбовалась его пластичными движениями, изящными жестами.

– Замечательно! На этой высоте с такими умопомрачительными видами получится великолепно.

Она оглянулась по сторонам на раскинувшийся от горизонта до горизонта родной город и подняла лицо к небу. В ярко-голубой вышине солнце светило совсем по-летнему. Стало удивительно спокойно, мысли покинули её измученное сознание, давая небольшую передышку.

– Загляделся я вглубь голубейшего полога и упали навеки в глаза небеса*... – негромко пропел Артур. Красивый «бархатный» баритон.

– Мне луна как-то раз зацепилась за голову и оставила след свой в моих волосах*, – ответила Женя.

– Получается, мы слушаем одних и тех же авторов, – он внимательно смотрел на неё. – Значит, легко найдем общий язык.

Женя почему-то смутилась.

*Александр Дольский «Там, где сердце»

Декабрь 1992

Первый выход на сцену у Макса случился 6 декабря 1992 года. Представление Театра костюма Юрия Арса «Бал Сатаны», задуманное художником как шоу-программа по мотивам главы романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», сразу обросло скандальными слухами.

Газета «Коммерсантъ» разразилась язвительной статьей, объявив попытку интерпретации романа неудачной из-за присущей Арсу фантазмагории, сопровождавшейся театрализованной жёсткой эротикой. Но таков был художественный почерк автора. Не зря же его называли «русским Полем Готье». Впрочем, титул этот присвоили чуть позже, а сейчас обиженные представители прессы, с них попросили денег за право вести съёмку, как могли выказывали свое «фи».

Времени с начала работы в Международном центре моды до первого перформанса прошло немного, но Максим к тому времени уже преуспел в искусстве сценического движения. Помог ему в этом Давид – весьма примечательный персонаж Театра костюма. Был он невысок, лысоват и невзрачен, что разительно контрастировало с красотой движений, которые он показывал Максиму на занятиях, и, поистине, кошачьей грацией с которой двигался сам. Он был королем подиумной хореографии и не без его непосредственного участия ковались топ-карьеры русских манекенщиц.

«Бал Сатаны» стал для Максима проверкой на прочность, ибо ему была доверена ответственная роль Падшего Ангела. Он был облачён в черный бархатный обтягивающий костюм, оснащенный огромными крыльями и не менее значительным фаллосом. Впрочем, костюмы всех участников этого феерического действия не отличались целомудрием: модели изобиловали открывающими грудь глубокими каре, полупрозрачными вставками и двусмысленными вышивками. Сама Маргарита предстала в финале в платье с высоким разрезом, открывающим блестящее нижнее бельё царицы бала.

Накал страстей был столь велик, что не выдержала даже техника. Вечер закончился огненным салютом прожектора, лопнувшего от высокого градуса эмоций, что и поставило яркую, но вполне логичную точку в костюмированной эротической феерии.

Так началась модельная карьера Максима.

Через полтора года перформанс повторили на праздновании 25-летия модного тогда рэп-исполнителя Богдана Титомира в спорткомплексе «Олимпийский». Именно здесь на организованной Сергеем Лисовским дискотеке «У ЛИС’Са» Макс проводил всё свободное время.

Здесь соби́рался московский молодой бомонд, все знакомились, тусовались: было весело и свободно. Несмотря на то, что не так давно дискотека попала во все криминальные сводки после разыгравшейся трагедии с расстрелом криминального авторитета по кличке Глобус, ранением его телохранителя и милиционера, последовавшей за этим погони, осады Склифа бандитами и захватом всех участников вестерна специальными патрулями милиции.

Впрочем, весь этот криминальный экшн не сильно повлиял на репутацию дискотеки, лишь добавив ей притягательности, и она продолжала оставаться одним из главных символов ночной жизни Москвы. А Максим – одним из завсегдатаев этого культового места.

Октябрь 1996

– Надо поторапливаться, – авторитетно заявила Зоя.

– Ты про что? – Женя отложила пухлую пачку таблиц – смет предстоящих съёмок.

– Сегодня прогноз на неделю передавали: с воскресенья дожди. Крайний возможный для съёмки на крыше день – суббота. И то, насчёт «золотого часа» я не уверена.

– У нас по плану – следующая среда, – растерялась Женя.

– Переноси, – Зоя собрала документы и направилась к двери – Я к технарям, договариваться.

Все вопросы пришлось решать в авральном порядке. Из намеченных для отработки танца пяти репетиций остались только три, потом – прогон на крыше, затем съёмки.

Зал для репетиций располагался на 1 этаже помпезного сталинского здания на Саввинской набережной. В просторном помещении с зеркальной стеной Артур ставил танец: рассказывал замысел, показывал движения, предлагал ребятам придумать что-то своё и на её глазах соби́рался быстрый, яркий, ни на что не похожий танец.

Он привычным движением откидывал непослушную прядь волос, падавшую на глаза, и снова и снова повторял движения вместе с танцорами. На это можно было смотреть бесконечно, но её довольно грубо прервали. Громким недовольным шёпотом Зоя сообщила:

– Костюмеры приехали, нужно мерить!

Женя дождалась перерыва и подошла к Артуру:

– Костюмы привезли. Нам нужно вызывать ребят на примерку.

Он очень внимательно посмотрел ей в глаза:

– Евгения, вы же понимаете, что у нас только три репетиции, вместо заявленных пяти. Каждая минута на счету. Я не могу на это пойти.

Развернулся и шагнул в сторону двери, но она удержала его за руку.

– Артур, там ещё многое нужно подгонять. У нас не будет другой возможности.

Он снова посмотрел на неё долгим взглядом, мягко высвободил руку и молча пошёл в зал. Не согласен, это очевидно, но отступать ей было уже некуда. Ребят стали вызывать по одному.

Наконец, пестрый калейдоскоп репетиций, звонков, согласований и разругивания множества вопросов разной степени сложности подошёл к логическому завершению – остались только прогон на крыше и съёмки.

День прогона начался с грибного дождика за окном. Мелкие капли дружно барабанили по широкому жестяному карнизу под Женькиными окнами, но проблески солнца сквозь рваную вату невнятных облаков давали надежду на прояснение. День обещал быть трудным, однако, несмотря на всю сложносочинённость проекта и сжатые сроки, всё уже было готово.

Женя включила телевизор, надеясь услышать прогноз погоды, и начала собираться. Легкий завтрак и чашка кофе должны были привычно настроить её на боевой лад, но тут на экране появилась тоненькая Ирочка Полякова – ведущая «МетеоТВ». Обворожительно улыбаясь, она отрапортовала: бабье лето в Москве закончилось – сегодня ожидается кратковременный дождь,

а с завтрашнего дня в столице установится настоящая осенняя погода с дождями и резким снижением температуры.

Предательски дрогнули пальцы, расплескав кофе. Собрав волю в кулак и выплеснув остатки кофе в мойку, Женя метнулась к телефону.

– Нам нужно термобельё! – огорошила Женька Зою.

Зоя, пытавшаяся, наконец-то, отоспаться после аврала подготовки к съёмкам, не сразу поняла о чём речь.

– Зоя, милая, – зачастила Женя в трубку. – Завтра по прогнозу резкое снижение температуры, а они у нас в одних рубашках на крыше. Заморозим всех! Срочно нужно найти термобельё!

– Поняла, – Зоя окончательно проснулась. – Сделаю, что смогу, – и дала отбой.

На крыше было уже сухо, но общая промозглость не давала согреться. Все натянули куртки и ждали указаний режиссёра. Артура не было, его срочно вызвали в театр, но режиссёру было уже всё понятно, танец получился цельный, динамичный, элементы современной хореографии наполняли его сложными смыслами.

– Речитативную часть нужно менять, – приговор режиссёра Саши прозвучал неожиданно.

– Почему? – удивилась Женя.

– Нас всё устраивает, – подала голос стоявшая неподалёку Елена. – Зачем менять то, что гармонично смотрится и хорошо отрепетировано?

Саша жестом пригласил Елену посмотреть в монитор.

– Понимаете, рэп, это особая культура. Она проявляется не только в музыке, но и в одежде, сленге, в движениях. Алексей, – позвал он солиста. – Вы рэп исполняете?

– Да, и очень неплохо, – скромно ответил солист.

– Знаете, как двигаются рэперы?

– Конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.